

Л. П. Якимова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РОМАНА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА «ПРОСПЕКТ ИЛЬИЧА»
КАК «ВОЗВРАЩЕННОГО» ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Статья посвящена роману Всеволода Иванова «Проспект Ильича», написанному им в 1942 г. Сюжет романа разворачивается на фоне событий начавшейся Великой Отечественной войны. Статья является первой научной работой, посвященной опубликованному с большим опозданием роману Иванова. Подробно рассмотрена идейная и эстетическая связь с предыдущим романом Всеволода Иванова «Вулкан», который был задуман и написан накануне Второй мировой войны. Судьба обоих романов сложилась драматически: оба романа были впервые напечатаны по архивным материалам только после смерти писателя. Роман «Вулкан» был опубликован в 1966 г., а «Проспект Ильича» – только в 2016 г. Обе публикации состоялись в журнале «Сибирские огни». Творческая история и история несостоявшейся публикации романа «Проспект Ильича» рассматриваются в статье на основании опубликованного в 2001 г. дневника Всеволода Иванова. Показан историзм художественного мышления писателя и глубина его мысли, которые оказались несозвучны динамичному времени военной грозы. Несмотря на то что оба романа связаны с поэтикой и эстетикой социалистического реализма, индивидуальные черты стиля и историческая концепция романа сделали публикацию невозможной. Показаны черты сходства и различия с очерками Иванова военного времени, которые печатались на страницах советских газет. Опыт Иванова рассматривается в широком контексте художественной и пропагандистской литературы времени, когда был задуман и создан роман «Проспект Ильича» (И. Эренбург, К. Симонов, В. Лебедев-Кумач). Убедительно показано, что роман опередил свое время и связан с литературой о войне, создававшейся в последующие десятилетия (В. Некрасов, Б. Полевой, «лейтенантская проза»). Работа над романом отразила мысль писателя о необходимости экстренного создания большого романа, который воспроизводил бы черты наступившего военного времени и соединил бы задачу агитации пропаганды с элементами исторического анализа и прогноза. На частном примере романа «Проспект Ильича» показаны общие механизмы феномена «возвращенной литературы», пики которого приходились на годы «оттепели» и «перестройки». Роман «Проспект Ильича» рассматривается в связи с другими не изданными в свое время книгами писателя («Кремль» и «У») и книгами других советских писателей, которые дошли до читателя через много лет после их создания.

Ключевые слова: «возвращенная литература», Всеволод Иванов, литература о войне, мотивный тезаурус, подтекст, символика, социалистический реализм.

Если иметь в виду, что возникновение самого понятия «возвращенный роман» во многом обязано крутым поворотам творческой судьбы Всеволода Иванова,

Якимова Людмила Павловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, motive@philology.nsc.ru)

многие произведения которого – волею социальных обстоятельств – входили в читательский оборот много позднее времени их создания, то отличительную особенность романа «Проспект Ильича» составит то, что из числа произведений, извлеченных из архива писателя, он увидел свет последним, будучи опубликованным в журнале «Сибирские огни» лишь в 2016 г. [Иванов, 2016]. При этом важно иметь в виду, что характер времени опубликования произведения оказывается иногда не менее важным, чем время его создания.

В хронологии творческого пути Вс. Иванова посвященный Великой Отечественной войне роман «Проспект Ильича» следует за романом «Вулкан», и поскольку изображенное в романах время синхронно времени их создания, а работа над «Вулканом» по замечаниям редакторов продолжалась вплоть до начала войны, то перерыв между завершением работы над одним и созданием другого романа оказывается незначительным, а преемственная связь между ними весьма ощутимой. В определенном смысле по пути своего превращения – от 1939 до 1962 г. – из повести в роман «Вулкан» воспринимается как идейно-смысловой пролог «Проспекта Ильича». Если в первом варианте «Вулкана», опубликованном недавно в томе «Неизвестный Всеволод Иванов» [Иванов, 2010], мотив неминуемости войны улавливается лишь особо проницательным читателем, то в окончательной версии романа, завершенной в 1962 г. и опубликованной в журнале «Сибирские огни» посмертно – в 1966 г., каждый из его главных героев наделен писателем своей, широко развернутой и глубоко обдуманной мыслью о будущей войне. Так, скрыв за готовностью «писать парады» и «натюрморты сытой жизни» подавленную любовь к вольной художнической кисти, художник Гармаш так же вынужденно молчит и о своих взглядах на исторические пути современного мира. Втайне он убежден, что власть не против Большой войны:

Он думал, что с финнами долго «возились» намеренно, показывая себя слабыми, заманивая немцев в войну с собой, а также и оттого, что основное тайное вооружение наше берегли против немцев и японцев. Разгромив немцев, расстреляв Гитлера и всю его сволочь, мы возьмем в свои руки остальную Европу и начнем налаживать хорошие отношения с Америкой. Пока не создадим мощнейший в мире флот (если он не создан: все же кругом тайна!), а тогда пощупаем и Америку: чем она пахнет? – Эти свои мысли Гармаш тоже считал «нецензурными»... и молчал. Ему было жутко от этого своего молчания, он чувствовал, что молчание перерастает в какую-то политическую двусмысленность, что оно даже преступно, что разговор на эту тему облегчил бы его, но все вокруг него молчали, молчал и он [Иванов, 1966, с. 16].

Именно обстановка предвоенного напряжения является моментом особого отягощения ситуации «безумного молчания» в стране. Уже вся Европа конца 1930-х – начала 1940-х гг. охвачена пожаром войны, отличительно жестоким актом которой становится Ковентри, о чем отдыхающие в Крыму герои романа «Вулкан» случайно узнают почему-то из сообщений турецкого радио: «Город и предместья охвачены все разрастающимся неудержимым пожаром. Тысячи беженцев переполнили вокзалы. И туда – бомбы! Проклятие! Вся Европа в подавленном состоянии духа – и как иначе?» [Там же, с. 37]. Но Россия молчит – сверху донизу. Молчит и Евдоша, болезненно напрягая сознание. В отличие от Гармаша мысль главной героини о неминуемо надвигающейся на Россию войне лишена и тени утопического благодушия:

Евдоша, например, про себя думала, что война не будет для нас так быстро победной, как можно вывести из толков, направляемых, по-видимому, устной официальной пропагандой.

Немцы, думала Евдоша, упрутся в русские пространства и запутаются в них. Начнется длительная окопная война. Пойдут годы голода, холода, эпидемий. Мы –

терпеливее и неистощимее немцев. А главное, как мы не искажаем порой наши идеи, эти идеи выше, справедливее фашистских идей, и вдохновленные великими идеями, даже плохо вооруженные, люди в конце концов побеждают. Эти свои мысли Евдоша считала «нецензурными», поэтому она и предпочитала молчать о войне [Иванов, 1966, с. 15].

Свой отпечаток на мыслях Евдоши оставляет присутствие в их курортной компании ребенка. Маленький, «пухлый и румяный», Федор боится, что в поезд, в котором едет к ним мама, может попасть фашистская бомба. «Молчание, молчание. Будет ли война, скоро ли начнется – спрашивают только дети. Но и тех мы учим молчанию, делая вид, что война на нас никогда не обрушится, что мы удивительно ловко обманываем гитлеровцев. Молчание. Безумное молчание!» [Там же, с. 75].

Независимо от того, на каком этапе работы над «Вулканом» наделил писатель своих героев отстоявшимся взглядом на неизбежную войну, бесспорна настойчивость военной мысли самого автора, убеждающая в его безусловной готовности включиться в разработку военной проблематики с первых дней войны, что «Дневники» Вс. Иванова подтверждают безоговорочно. Первая запись о начавшейся войне относится к 24 июня 1941 г.: «Итак, война. Утро позавчера было светлое. Я окончил рассказ. Думал – еще напишу один...» [Иванов, 2001, с. 77]. Однако война диктовала свои условия творческой жизни, и вместо планируемого рассказа буквально через день после ее начала на страницах «Известий» появляется публицистический очерк Вс. Иванова «Мое отечество». В качестве военного корреспондента призванный и мобилизованный сразу двумя газетами – «Красной звездой» и «Известиями», писатель с готовностью включается в многообразную деятельность литературного фронта, хорошо понимая роль агитационно-пропагандистского фланга, по значимости не уступающего иногда силе боевого оружия. Так, не скрывая глубокого возмущения, пишет он в Дневнике о непростительных просчетах советской агитации в освещении фронтовой обстановки:

Ну, я понимаю, можно отступать войскам, когда немцы лучше вооружены и обладают лучшей тяговой силой, – но почему же нам – специалистам агитации, отступать в агитации перед немцами? Сегодня передавали жалкий лепет Информбюро о немецких и наших потерях... И оказывается, лепет этот вызван немецким сообщением! Неужели мы не могли перебить заранее этого сообщения? Неужели не могли сообщить о потерях немцев, а они, конечно, много теряют! Какая-то постыдная узда сковала наши губы, и мы бормочем, не имея слова, мы, обладатели действительно великого языка! [Там же, с. 111].

Заряженные вдохновляющей энергией патриотического чувства публицистические статьи и очерки Вс. Иванова появляются на страницах центральных газет, призывное слово звучит на радио. Справедливости ради следует отметить, что публицистика и поэзия первыми откликнулись на зов священной войны: трудно переоценить мобилизующую мощь и публицистической листовки «Убей немца!» И. Эренбурга, и стихотворения К. Симонова «Жди меня», и таких песен, как «Священная война», «Огонек», «В лесу прифронтовом», «Давай закурим», «Темная ночь» на стихи В. Лебедева-Кумача, М. Исаковского, И. Френкеля, В. Агатова, вошедших в духовный арсенал советского народа с самого начала Отечественной войны. Время повестей и романов, пьес К. Симонова, В. Некрасова, Б. Полевого, А. Фадеева и богатейшего пласта «лейтенантской прозы», в массиве своем представивших ценнейшую сторону литературного наследия XX в., придет позднее, что же касается Вс. Иванова как представителя старшего поколения советских писателей, то и богатейший опыт изображения Гражданской войны, и та напряженность военной мысли о современном мире, которая отчетливо выявилась в «Вулкане», неостановимо подталкивали писателя к безотлагательно-

му осуществлению замысла о большом романе, синхронно воспроизводящем наступившее время, органично сочетающем «агитацию» с анализом и прогнозом драматических событий войны. Документы умалчивают о степени напряжения творческой жизни Вс. Иванова в начальный период войны, но достойно глубокого размышления на эту тему то, что не прошло и года, как в его Дневнике появляется запись: «6/VI. Окончил роман “Проспект Ильича”. Испытываю живейшее удовольствие от этого события. Пошел в гости к генеральше Т. и зверски напился» [Иванов, 2001, с. 88]. О последнем, в стремлении сохранить незамутненный образ классика, следовало бы, наверное, дипломатично умолчать, если б оправданием этого срыва в бытовом поведении писателя не послужил и объем проделанной работы, и глубина связанных с ее завершением ожиданий, о чем тоже можно прочесть в «Дневнике»: «Тополь в свиных переплетах, – придумал я в тот день образ, наверное, думая о том, что хорошо бы увидеть свой роман, если не в свином, то хотя бы в малюскиновом переплете» [Там же].

Действительно, будь «Проспект Ильича» изданным незамедлительно – в соответствии с поступлением его в редколлегию «Нового мира», явился бы он в истории национальной литературы первым романом о Великой Отечественной войне; его первопроходческое значение в воссоздании развернутых картин начального периода войны, оформлении ее художественной концепции и доктрины было бы бесспорным и безусловным.

Однако судьба по-прежнему не благоволила Вс. Иванову, явив на его примере случай поистине подвижнического служения искусству, жестокого испытания каверзами издательской политики и безмерного «властолюбия» чиновников от литературы. Написанный в Ташкенте «Проспект Ильича» автор представил и в журнал, и в книжное издательство. Сначала ответом было долгое и ничего хорошего не предвещавшее молчание, потом при общем и как будто благожелательном отклике на роман последовали замечания по тексту, предложения что-то изменить, сократить, добавить, и «Дневник» запестрел записями типа «правил роман» [Там же, с. 91], «роман лежит не правленный» [Там же, с. 90], «днем исправлял роман» [Там же, с. 92], «днем переделывал “Проспект Ильича”» [Там же, с. 194] и т. д.

В общем контексте перестраховочных настроений и редакторского своеволия сказала и личная роль А. Фадеева, бывшего тогда ответственным секретарем Союза советских писателей и ревниво доглядывающего за творческими успехами собратьев по перу. Нельзя не понять глубины профессиональных мук и душевной усталости писателя, истерзанного потоком противоречивых суждений и требований: то «роман признают оторванным от жизни» [Там же, с. 176], то известный тогда критик И. Лежнев выразит желание «видеть в романе отрицательное» [Там же, с. 111], то издатели требуют «обязательно переменить название – “Бой за Дворец культуры”» [Там же, с. 153], то под угрозу быть «выкинутыми» попадают целые главы, о чем тоже становится известным из «Дневника»: «Так как глава об еретиках напугала наших дурачков, то я ее выкинул. Это глава была стержнем, на котором висела глава вступительная – песня о “проспекте Ильича”, и поэтому пришлось выкинуть и первую главу, а раз выкинул – надо менять и заглавие. Я назвал роман “Матвей Ковалев”» [Там же, с. 194].

Как видно из этой дневниковой записи, некоторые издательские советы и критические замечания носили такой характер, что следование им пагубно влияло на общий план художественной мысли автора, грозило разрушением внутренней структуры произведения. «Оказывается, – с горечью резюмирует Вс. Иванов в «Дневнике», – вокруг романа “Проспект Ильича” создалось целое дело» [Там же, с. 188], и закончилось оно тем, что появившись в форме фрагментов на страницах «Известий» («Бой за Дворец культуры», 17 декабря 1942 г.), «Огонька» («Проверка», № 1), «Вечерней Москвы» («У Дворца культуры», 17 марта 1943 г.)

и отдельных глав под общим названием «Матвей Ковалев» в Ташкенте в 1943 г., роман повторил печальную участь «У», «Кремля», «Вулкана» и полностью был опубликован лишь три четверти века спустя.

Родной сибирский журнал, в очередной раз проявив понимание нетленной силы художественного таланта Вс. Иванова, вернул в историко-литературный и читательский оборот еще одно его большое произведение, вернул не как памятник истории литературы, а как произведение, достойное живого читательского внимания, органично вписавшееся в литературный контекст современности.

Выше уже отмечалось, что феномен литературного возвращения возникает на стыке осознания значимости двух времен: как времени создания, так и времени возвращения произведения, способного придать ему эффект новой актуальности, что и произошло в случае с «Проспектом Ильича». Многими сторонами возникшей реальности текущее время напоминает вулканически-метельное «предгрозовье» конца 1930-х – начала 1940-х гг., обернувшееся кошмаром Второй мировой войны: та же предельная напряженность международной обстановки, которая в силу смертоносного потенциала атомного вооружения, накопленного противостоящими сторонами, чревата Третьей мировой войной, таящей угрозу конца человеческой цивилизации. В этой ситуации появление произведения, восполняющего память о Великой Отечественной войне в аспекте общей мысли о путях истории, приобретает особую значимость, в том числе внося новые акценты в понимание ценностей человеческой жизни.

В общем структурном плане «Проспект Ильича» предстает как органический сплав военного, производственного, даже приключенческого текстов, где в неразрывном сплетении оказываются и перипетии личной жизни, и сдвиги общественно-государственного масштаба, когда в частной судьбе отсвечивает национальная история. Сложность романной структуры «Проспекта Ильича» определяет стилевое разнообразие его нарратива. Автор свободно переходит от эпического повествования к языку лирики и публицистики, не останавливаясь перед использованием средств «агитации».

Роман открывается главой, выполняющей композиционную роль своеобразной экспозиции и исполненной в духе своего рода гимна проспекту Ильича, являющемуся центральной магистралью областного города, расположенного где-то на границе Украины с Россией. Он не назван по имени, лишь скупно обозначен буквой Р, но наделен чертами, характеризующими типичный образ советского города. Здесь, почти в обязательном порядке, есть свой проспект имени Ленина, сиречь Ильича, дворец культуры, монументальная статуя Ленина с рукой, простертой в сторону Запада, много вновь построенных заводов. Он населен людьми, полными трудового энтузиазма и устремленными в будущее. Прекрасен внешний облик города, дышащего атмосферой полноводной реки и раскинувшихся за ней колхозных полей, вобравшего красоту старого губернского ампира и новаций советского зодчества:

...вы видите нечто похожее на странную сказочную процессию кубов, полушарий, колонн, спилей, ромбов, соединенных в удивительно стройном разнообразии... Перед вами – Проспект Ильича. Как весела и легка эта улица! Какой талант мог вообразить и вычертить эти линии? Чьи вдохновенные руки выстроили ее?.. Вы рассматриваете то черный бархат асфальта, на котором вышитым жемчугом искрятся точки, отмечающие переходы, и вам думается, что только по этому переходу, под светом этого светофора, вы перейдете на сторону счастья [Иванов, 2016, № 7, с. 100]¹.

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием номера журнала и страниц.

Единым порывом к счастью пронизан весь город. Если воплощением цельности его устремлений является проспект Ильича, то духовным центром является Дворец культуры с расположенной на одном из его уступов громадной статуей Ленина. Песенным рефреном звучит в главе, открывающей книгу, восклицание:

Прекрасен Проспект Ильича! И над всем его великолепием господствует многоэтажный и многооконный дворец, называемый Дворцом культуры. Даже те, кому не нравятся современные дома и кто называет их коробками <...>, даже те находят в этом дворце красоту изумительную, которой, видимо, не суждено погибнуть. И чем больше вы всматриваетесь в это здание, тем вам кажется убедительней мысль, что здание и само чувствует свое достоинство (№ 7, с. 100–101).

Трудно не ощутить настойчивости авторского желания включить читателя в живое восприятие романного текста, сделать его непосредственно причастным к миру владеющих автором чувств, мыслей и настроений:

Когда из заводов и фабрик слышатся густые, рокочущие звуки, не наполнится ли ваше сердце радостной гордостью при виде тысячи умелых людей, идущих на отдых из ворот заводов и фабрик? Не забьется ли ваше сердце патриота, когда вы увидите этих людей, входящими в большие, красивые, статные дома Проспекта Ильича? (№ 7, с. 104).

Именно эта авторская установка на непосредственность, в своем роде эмоциональную распахнутость отношений с читателем определяет глубокую связь лирики и публицистики в художественном тексте начальной главы романа «Проспект Ильича», ею же обусловлена и органичность авторской ориентации на использование поэтико-стилевых средств национальной культуры. Отзвук поэтической стихии произведений Гоголя, Пушкина, «Слова о полку Игореве» явственно различим в романе, веет и духом родного орнаментализма 1920-х гг.

Элементы глубокой связности – когезии пронизывают весь роман, представляя как его характерная особенность от авторского замысла до объективного смысла произведения. Эмоционально-смысловая энергия начальной главы распространяется на всё последующее повествование. Чем более очевидными представляются перспективы перехода «на сторону счастья», чем больше душевного удовлетворения вызывает окружающая жизнь, тем в более страшном и ужасном образе видится сила, угрожающая разрушением, опустошением, смертью.

Война вторглась в отчизну. Солнце кажется испуганным бледным пятном в облачном небе. И облака повисли над миром, дикие и встревоженные, словно бы политые кровью. И тревога заворачивает ко всякому, будто ей по дороге. И тоска такая, что, кажется, дубы с той стороны реки простирают свои ветви к уходящим, умоляя их взять с собой... (№ 7, с. 104).

Война в одночасье перевернула весь строй мирной жизни областного города и прежде всего одного из основных его градообразующих предприятий – СХМ, завода сельскохозяйственных машин, без промедления переведя его производство на боевые рельсы – выпуск противотанковых пушек. В корне меняется и характер повествования: та лиро-эпическая тональность, которая в «Дневнике» дает автору основание назвать первую главу «Песнью», уступает место «суровой прозе». Ко времени создания романа «Проспект Ильича» советская литература успела накопить богатый опыт «производственной прозы», в том числе и опыт изображения жизни трудовых коллективов в экстремальных условиях, да и сам Вс. Иванов, если вспомнить роман «Кремль», таким опытом обладал в превосходной степени. Не будет преувеличением утверждать, что образ главного героя романа

«Проспект Ильича» Матвея Кавалева² с образом главного героя романа «Кремль» Вавилова перекликается во многом. И в том, и в другом случае принципиально важно то, что в организаторы, руководители, лидеры трудового коллектива они, что называется, «вышли из народа», сохраняя во всем неразрывную связь с ним – в чувствах, вкусах, интересах.

Однако ко времени создания романа «Проспект Ильича» советский народ успел существенно измениться, и как типичный представитель его, плоть от плоти народной, Матвей Кавалев от Вавилова отличается во многом. Он успел отслужить в армии и, вернувшись, особенно «...в последние дни много работал, и много думал. Недавно он окончил курсы мастеров социалистического труда при учебно-производственном комбинате СХМ. Учился он там три года, получил диплом, и теперь проходил стажировку мастера, в то же время работая у станка. Казалось бы, чего лучше? Еще две-три недели – Каваль мастер! (№ 7, с. 110). Он передовик производства, стахановец, новатор, рационализатор, изобретатель волей Божией, способный ставить недостижимые рекорды производительности труда. «Казалось бы, чего лучше?» (№ 7, с. 110). Но наполненный чувством здорового честолюбия, Матвей не хочет остановиться на достигнутом.

Приусущее лучшим представителям человечества свойство неостановимого *поиска*, философским размышлением о котором открывается шестая глава романа («все его легенды – о поисках, начиная от кашеева камня и кончая камнем философским» (№ 8, с. 117)), не оставляет героя, выдвигая на роль вожака заводской массы, ее организатора и вдохновителя, как именует его отец – «полковника», полковника не по официальному чину, званию, положению, а по сути его характера.

Создавая образ Матвея Кавалева, писатель выходит иногда за рамки объективированного повествования, прибегая подчас к волевому приему проявления личного чувства к своему герою: «Вот почему мне кажется, что мысли Матвея, будучи в одно и то же время естественными, все же требовали пояснения и как бы их расширения» (№ 8, с. 120).

В соответствии с этим намерением личная мысль Матвея «расширена» до масштабов мысли народной. В образе Матвея черты народного характера находят как бы концентрированное выражение и предстают в их высшем проявлении. В рабочем коллективе СХМ он «свой», но это «свое» предстает как бы в ореоле особой одухотворенности и целенаправленности: «Лицо у него было такое испытующее, такое мучающееся и, в то же время, такое горящее, что рабочие и подсмеивались над ним, и ждали от него чего-то необыкновенного» (№ 8, с. 120), и он эти ожидания не обманывал.

Война лишь высветила скрытые стороны его характера – и неостановимую тягу к изобретательству, *поиску* лучших условий и совершенствования результатов труда, и необоримую силу его патриотических чувств, связанных с почвой и космосом народной жизни. В его вере в конечную победу советского народа в войне с фашистской Германией нет и тени сомнения: она изначальна, природна, абсолютна: «Не отдадим города! День и ночь будем работать, день и ночь будем биться, а немцу здесь не бывать. Вот такая моя оценка положения!» (№ 7, с. 118).

Когда пришел приказ об эвакуации СХМ, следуя партийному поручению, именно Матвей должен был выступить на общецеховом собрании, но, дойдя до середины официального текста, не выдержал, и прорвалось то, что думал сам и что ждали он него рабочие:

---

² Такое написание фамилии героя сохраняется в публикации журнала «Сибирские огни».

«Вот я читал <...> бумажку, и до того мне стало противно, что мы сейчас уедем, когда мы имеем полную возможность защищать завод»... И уже в течение часа, после того, как цех вынес резолюцию, требующую отмены приказа об эвакуации СХМ, Матвей, от всех проходящих мимо его станка, раз десять слышал ласковое прозвище «полковник»... (№ 8, с. 140, 141).

В идейно-смысловое поле романного нарратива органично входит концепт «самоорганизации», апофеозом которой станут отражение танковой атаки фашистов, бой за Дворец культуры. Становится понятным, почему представители городской, заводской, военной власти – директор СХМ Рамаданов, генерал Горбыч – охотно идут на контакт с простым рабочим, рядовым станочником-фрезеровщиком, видя в его суждениях о текущем времени проявление мнения народного. Исполнена особого поэтического звучания и идейного смысла сцена их встречи после принятой на СХМ резолюции, отклоняющей официальный приказ об эвакуации и являющейся открытой аллюзией на совет в Филях в ходе Отечественной войны 1812 г.

– Не правда ли, странно? Генерал, директор завода и рабочий обсуждают, быть Бородину или не быть?

– Положение было бы похуже кутузовского, не будь наши времена получше Александровских. Так что же вы думаете, хлопче? (№ 8, с. 150) –

обращаются высокие собеседники с вопросом к Матвею.

Немаловажно, что в ходе повествования автор неоднократно упомянет о владеющей им страсти к литературным и историческим реминисценциям, что подтверждает и данный случай, когда момент народной *самоорганизации*, направленной на борьбу с фашистскими захватчиками, ассоциируется в сознании читателя с дубиной народной войны, принявшей без устали гвоздить французов.

Между тем по ходу событий изменился и статус Матвея Кавалева: посредством хорошо отлаженной работы социального лифта, экстремальных условий военного времени и – не в малой степени – авторской воли он стал директором СХМ: после смерти Рамаданова, убитого осколком вражеского снаряда, не нашлось человека более, чем Матвей Кавалев, способного радеть о судьбе завода, самозабвенно отдаваясь и совершенствованию производственного процесса, и заботам о людях. Оказавшись «наверху», войдя в состав властной структуры, герой осознает опасность автоматического восприятия новой социальной роли, непонимания таящихся в ней губительных соблазнов и противоречий: «Да у него появилась и проявилась воля к власти. Он желал не только служить народу, но и управлять им. Конечно, помогая. Конечно, будучи слугой народа! Но помогая, но будучи слугой, он, не отделяясь от масс, <желал> вести за собою массы, по в е л е в а т ь ими» (№ 12, с. 140). Трудно уйти от впечатления, что через размышления героя автор программирует поведение поистине народного вождя, способного одновременно и возвыситься над массой, и быть для нее «своим». В этом отношении фигура простого труженика, оказавшегося во властной структуре, как нельзя более отвечала духу времени – времени социального согласия и служения общенациональной идее освобождения страны от фашистского нашествия.

Сравнивая два «соседних» романа – «Вулкан» и «Проспект Ильича», нельзя не заметить смещения акцентов в изображении отношений между властью и народом, «низами» и «верхами». Если в «Вулкане» военная доктрина страны держится от народа в глубокой тайне, народу остается лишь строить догадки относительно военных планов высшей власти, то в «Проспекте Ильича» в понимании и реального хода войны, и окончательных ее целей между властью и народом сложилось единство.

Симптоматично, что без какого-либо сговора и согласования, почти одновременно проходит собрание «эсхаэмовцев», принимающее резолюцию о несогласии с приказом об эвакуации, о том же составляет свою докладную в Москву Рамаданов, и в его квартире без промедления раздаётся звонок Сталина, полностью одобряющего план обороны завода. Начавшаяся война не то время, чтобы выяснять внутренние отношения, обострять социальные, классовые противоречия и конфликты.

Как необходимая дань романному жанру прочерчена в «Проспекте Ильича» и линия личной жизни героев, а образ Матвея был бы не полон, если б не восполнял его любовный сюжет, в плане которого просматривается контур любовного треугольника. Мир внутренних, душевных переживаний Матвея логике *поиска* подчинен не в меньшей степени, что и вся его овеянная духом творчества трудовая жизнь. Его одухотворенную натуру тяготит настойчивость любовных притязаний Моти, отталкивает и плотская фактурность внешнего облика, настораживает практически-расчетливый склад ума, приземленность душевного мира. Что касается главной героини, то, хотя природа влечения к Полине открывается Матвею не сразу, путь их сближения друг с другом – несмотря на всю разность биографических характеристик – предопределен, что называется, глубокой родственностью душ. В образе главной героини нельзя не ощутить дани поэтике романтико-приключенческого жанра с элементами игры масками, сокрытием имени, тайн происхождения, загадочности поведения и т. д. Заслуженная артистка республики Полина Вольская, по паспорту Смирнова, приехав в родной город Р. на гастроли, под влиянием всеобщего подъема патриотических чувств сознательно пропускает момент эвакуации и остается. Во время случайной ночной встречи с Матвеем героиня совершает поступок, тоже объяснимый особенностями как ее характера, склонного к проявлению импульсивности и эксцентризма, так и сложившейся в городе экстремальной ситуации: принятая Матвеем за «гулящую», Полина поддается его настойчивому совету «исправиться» и устроиться на завод станочницей. Война неоднократно подвергнет ее жестоким испытаниям. Так, в соответствии с анкетными данными, отмечающими знание немецкого языка, да еще с баварским акцентом, по распоряжению генерала Горбыча она с важным разведывательным заданием направляется в расположение вражеских войск, куда вслед за ней устремляется и Матвей: так в романе появляются главы, позволяющие В. Иванову обратиться к изображению еще и такой формы народной самоорганизации, как партизанское движение.

Выше уже отмечалась такая особенность повествовательного стиля В. Иванова, как способность голосом своего авторского «я» прорваться сквозь стихию объективированного повествования. Слышится этот голос и в суждениях героев о своеобразии современного им литературного процесса. Так, по мнению Полины, влившейся в рабочий коллектив СХМ, он во многом опровергает впечатления, остающиеся от чтения «производственной прозы»:

Прежде всего ей пришлось отречься от всех впечатлений, которые у ней имелись о заводе по книгам. «Мы даже себе не можем представить, как часто плохие книги портят хорошую жизнь», – думала она, пытаясь вспомнить те названия книг, которые ей говорили о рабочих и их мастерстве. – Это гнусно по прилизанности, которой наделяют бытописатели рабочих, и отвратительно по бедности чувств, которыми будто бы не обладают рабочие, хотя все и стараются как можно больше говорить о чувствах этих людей (№ 8, с. 122–123).

Равным образом и Матвей не может не согласиться с командиром партизанского отряда «товарищем П.», «улыбавшимся иронически над традициями “романов”» (№ 10, с. 121), имея, разумеется, в виду романы о партизанах: «Совсем дру-

гие, чем в Гражданскую войну, партизаны; совсем по-другому они держат себя, так же, как и другой человек Матвей Кавалев...» (№ 10, с. 121).

Тема искусства открывается в романе в многообразии аспектов и поворотов, в плане как авторских размышлений, так и высказываний героев, касаясь разных видов его – зодчества, скульптуры, литературы, музыки... В образе Полины внимание к этой проблеме приобретает целенаправленный характер, непосредственно касаясь места и роли искусства в период войны.

Импульсивное решение героини отказаться от своего артистического призвания во имя труда на производстве, непосредственно выпускающем боевое оружие для победы над врагом, проходит проверку суровыми реалиями военного времени, заставляя усомниться в правильности совершенного поступка: видимая, внешняя его правота уступает место высшей правде.

Поэзия, песня, музыка – оружие, не менее важное и действенное, чем пушки, и слыша свой голос по радио, Полина Вольская убеждается, какой мощный заряд уверенности в победе несет ее песня людям, какой сокрушительной силой ненависти к врагу способно вооружить слово, заключенное в песне. По убеждению автора, искусство – это и то, что способно вдохновлять на подвиг, но и то, что, восходя к высшим ценностям национальной жизни, нуждается в защите, как та библиотека в сто тысяч томов во Дворце культуры, из которой фашисты жаждут устроить гигантский костер, как слившиеся воедино духовный талант и внешняя красота Полины, влечение к которой предстает как фактор личностного роста Матвея:

...не грубая кровавая чувственность, избыток здоровья, влечет Матвея к Полине. Его присоединяет к ней мучительнейшая загадка красоты и великой женственности, которую он видит и в картинах художников, что мерещатся ему непрестанно, и в аккордах музыки, колышущихся где-то за картинами, – и во всем прекрасном ходе прекрасной жизни. Она – воплощение всей этой красоты!.. Красота, неотразимая, вечная и возвышенная, как гимн, стоит перед его очами (№ 12, с. 141).

Кульминационным центром романа является бой за взятие города Р. – картина танковой атаки врага, освобождения Дворца культуры. Относительно боевых возможностей города Р. враг глубоко ошибся: город следовало обойти с флангов и оставить в осаде, но командующему немецкими войсками полковнику фон Паупелю не терпелось стать генералом, и взятие областного города входило в его честолюбиво-карьерный расчет. Образцовый продукт прусской военной машины, он в абсолютной степени воплощал то, что в глазах мирового мнения олицетворяло национальные качества немецкого народа и образ германской армии, – неукоснительное следование расчету и порядку:

Полковник фон Паупель <...> прямой, с подобранными, чисто выбритыми губами, и все в нем было словно выверено по ватерпасу <...> казалось, что полковник фон Паупель не сегодня, так завтра, но непременно возьмет город Р. У него всюду такой порядок, все так расписано, что думается: даже взрыв советской фугаски, разметавшей три дома и едва не убившей самого полковника, тем не менее входит в систему атаки города Р.! (№ 10, с. 113).

И не только карьерные, но и имущественные соображения входили в расчетливый план жизни полковника фон Паупеля: родители не оставили ему наследства, и плодородные российские земли разжигали жажду как можно скорее обратиться к ним в свою собственность. В приказе о наступлении он и солдат своих стремится вдохновить на победу надеждой на богатую добычу:

...нужно уничтожить славян для того, чтобы германцы могли расселить излишек своего населения на славянской земле.

– Никакого альтруизма! Да царит с нами жестокость! Убивайте, убивайте, убивайте во имя Германии и фюрера! (№ 10, с. 146).

Расчеты фон Паупеля выглядели устрашающе убедительно, ибо опирались на реальные силы: по степени вооруженности враг превосходил во много раз, и главным оружием его был танк, эта поставленная на колеса огромной машины пушка. Полковник фон Паупель прослыл теоретиком танкового вооружения. Автор овеял его ореолом немецкого романтизма в духе Шлегеля, обогатив фашистскую риторику поэтической образностью мрачного Средневековья: «из лат ландскнехтов, из шлемов крестоносцев» (№ 10, с. 106).

«Танки “известного полковника фон Паупеля”, – как писалось в немецких газетах, – шли по Европе торжественным средневековым маршем». Да, они шли! Они шли, подминая под себя детей бельгийских крестьян, они убивали французов, они топтали оробевших и удивленных вторжением датчан, они давили греческих мужиков, сминая их в одно – тела и греческую землю, чтобы позже командирам танков пить то вино, которое недавно давили эти греческие мужики (№ 10, с. 106–107).

И как это нередко происходит в романе «Перспектив Ильича», восходя к его характерным поэтико-стилевым особенностям, живой голос автора достигает вершин ораторского искусства и публицистической страстности, убеждая в том, что талантливая «агитация» не противоречит законам искусства, но способна служить высоким целям народной жизни.

Мастерство батальной живописи, проявленное Вс. Ивановым еще в произведениях о Гражданской войне, партизанах Сибири, в романе «Перспектив Ильича» обогатилось новыми красками, зримо передающими читателю невиданное напряжение борьбы советского народа с фашистским агрессором, в равной степени отмеченными которым являются как общий план сражения, так и отдельные его участники. После девятичасового шквально-массированного обстрела полковник фон Паупель нажал кнопку, и против областного города двинулась целая армада танков: «Они дали предел насыщения: до двухсот штук пустили на квадратный километр» – со знанием дела отмечает один из героев романа майор Выпрямцев. И каждый танк должен был внушить состоявшему из живой плоти и крови человеку непреодолимое чувство страха и ужаса:

Большие железные машины, формой похожие на ушаты, были ловки и сильны необыкновенно, причем, как казалось... ловкость и поворотливость машин увеличивается с каждым кругом, проделанным их гусеницами. Они свертывали, словно белье, в жгуты громадные железобетонные надолбы, глубоко заделанные в грунт, а попадая в широкий ров, где им было заказано утонуть или, во всяком случае, забуксовать, потому что грунт там разрыхлен и разжижен, – вылазили только испачканные глиной, сквозь которую просвечивали краска и металл (№ 11, с. 96).

Картины противостояния бездушного железа и полного трепетных чувств человека относятся в романе к числу самых впечатляющих: «Людей мяло, жгло, разрывало, гусеницы танков были в крови и мясе, – а люди всё выходили и выходили, не пуская танки дальше...» (№ 11, с. 103), и, преодолевая парализующее состояние страха и ужаса, силою духа одолевали смертоносную мощь машины, даже ценою своей гибели, как это случилось с красноармейцами – бывшим счетоводом Дивулиным и портным Птичкиным. И не успевший избыть своей конторской бледности Дивулин, и похожий своими телесными «очертаниями» на воробья Птичкин в неравной схватке с танками обретают черты блинных героев, а в стиле авторского повествования начинают звучать эпические ноты. Когда Дивулин из-под наехавшего на окоп танка успел вскочить на его гусеницу, то, выпрямившись во весь рост, превратил себя в живую мишень для наводчика Птич-

кина: «Снаряд попал как раз в середину танка – и счетовод Дивулин направился в строгое уединение смерти» (№ 11, с. 100).

«Фанатик расчета» полковник фон Паупель просчитался, самонадеянно полагаясь на превосходство в вооружении, достигающем в танковых частях даже «пределов насыщенности», не учтя особой значимости фактора «моральной защиты». Зато она входит важным пунктом в стратегический план генерала Горбыча, умело воспользовавшегося в битве за город всеми способами народной «самоорганизации», в том числе «самообороной» СХМ, связью с партизанским отрядом товарища П.

Финал романа, писавшегося в трагический момент отступления наших войск и, казалось, триумфальных побед гитлеровской армии, не просто благополучен, он – победоносен. Город выстоял, враг повержен, даже успевший стать генералом фон Паупель взят в плен. Это была локальная, отдельная и в каком-то смысле временная победа: впереди были годы войны – бои под Москвой, осада Ленинграда, Сталинградская битва, Курская дуга, но этой победой, ставшей пока лишь литературной реальностью, автор вселял уверенность в полной и окончательной победе над фашизмом, и – как бы долго ни длилась война, до каких бы «пределов насыщенности» ни был вооружен враг – в ее неизбежности, безусловности, даже предопределенности.

Эти чувства «моральной защиты» ни на минуту не покидают героев романа: месть и ненависть к врагу переполняют душу. Показательно, что если в произведениях 1920-х гг. при изображении остроты классово-политической борьбы – белых и красных – в поэтическом словаре писателя, как и всей советской литературы тех лет, преобладала лексема «злоба», то теперь она совсем уходит из употребления, уступая место святой «ненависти» и «мести». Сознание правоты, владеющее героями, всеми без исключения, – Матвеем, Полиной, директором Рамадановым, генералом Горбычем, абсолютно. В отличие от Грюбнера, Романеску, Бартолимо, «которые могли получить фабрики, заводы и шахты, как обещал им фюрер Гитлер» (№ 10, с. 146), советский народ защищает свою землю, отстаивает общечеловеческие ценности, воплощением которых являются в романе проспект Ильича, Дворец культуры, скульптурная фигура Ленина. Не случайно враг стремится уничтожить прежде всего эти знаковые форпосты города, а статуя Ленина превращается в одну из опорных точек боя за Дворец культуры. Она так огромна, что «на простертой к западу руке Ленина, прижавшись плечом к большому пальцу статуи, лежал Лубский, первый из пулеметчиков подразделения, которым командовал майор Выпрямцев» (№ 11, с. 101), и в бою за Дворец культуры избранная позиция обнаружила свои достоинства.

Идеологических знаков, восходящих к символам социализма, в романе много, равно как и публицистических вкраплений в духе господствующей идеологии, что не лишало видимых оснований к тому, чтобы причислить «Прспект Ильича» к произведениям социалистического реализма. Однако существо дела много сложнее его видимости. Скорее всего, идеологический текст в большей степени был проявлением непосредственных реалий времени, чем отражением убеждений автора. В этом смысле многое может объяснить читателю та «глава об еретиках», которая так испугала «дурачков» редакторов, что они, пренебрегая всеми законами идейно-поэтической связности, потребовали ее «выкинуть». Но художественное произведение подобно зданию, где все составляющие его блоки связаны между собою, и, «выкинув» одну главу, автор вынужден был «выкинуть» и другую, а вслед за этим изменить и название: «Я назвал роман “Матвей Ковалев”» [Иванов, 2001, с. 194] – пишет он в «Дневнике» 16 ноября 1941 г.

В полном тексте романа, напечатанном в журнале «Сибирские огни», – это «глава семнадцатая», по сути дела определяющая цельность авторского замысла,

обеспечивающая полноту духовной атмосферы произведения, укрепляющая мотивацию поведения его героев. В ней повествуется о том, как страстный книголюб и эрудит Рамаданов в одной из бесед с Матвеем раскрывает ему мировую историю как неостановимые поиски лучшей формы жизнеустройства на земле, как от начала дней длящуюся борьбу за торжество братства, равенства, справедливости, как готовность лучших представителей рода человеческого отдать свою жизнь за общее счастье и благо. И, увлеченные потоком своей мысли,

...они видели перед собой готические церкви, похожие на темные щели в голубом и вечном небе. Перед церквями горели костры и смрадный дым высоким облаком, как бы напоминая о свободе, поднимался к небу. Это сжигали еретиков: донатистов, циркумцеллионов, аскетов, вступающих всюду в борьбу с неправдой в защиту обиженных и угнетенных; всех тех, которых называли «катарами», то есть чистыми; богомилов в Болгарии; апостольских братьев, ткачей-гумилистов в Ломбардии; вальденсов, лионских бедняков, альбигойцев во Франции; лоллардов в Англии. Разжиревшие попы и рыцари шли на них крестовыми походами. Еретиков убивали, топили и вешали столько, что не хватало деревьев у дорог и приходилось вкапывать большие столбы (№ 9, с. 102).

Мечта Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, И. Болотникова о построении на земле Града Солнца воплотилась в создании Страны Советов, а потому фашистская агрессия на нее осознается как посягательство на вечную общечеловеческую ценность, откуда и проистекает убежденность в неизбежности победы над врагом, ее неминуемости, даже предопределенности. В самый трагический период Великой Отечественной войны, отмеченный оккупацией, отступлениями, неисчислимыми потерями, писатель создает произведение, сквозными мотивами которого является несокрушимость СССР, вера, что люди его «выполняют принятые на себя обязательства по защите справедливости, равенства и братства, что завещано всему честному от века» (№ 9, с. 104).

Это последние, заключительные слова «главы об еретиках», когезийная энергия которой пронизывает весь роман – от первой главы до последней.

Оставляя открытым вопрос о том, что послужило препятствием к опубликованию романа в момент создания, отметим, что появившись сегодня, он приобретает новую актуальность, способную пролить свет на многие его тайны, как и тайны предшествовавшего ему романа «Вулкан», в том числе и тайну их долгого невозвращения.

Список литературы

- Иванов Вс.* Вулкан: Повесть / Публ. Т. В. Ивановой // Сибирские огни. 1966. № 6. С. 8–90.
- Иванов Вс.* Дневники. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 492 с.
- Иванов Вс.* Вулкан: Повесть / Подгот. текста и примеч. Л. В. Суматохиной // Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 296–344.
- Иванов Вс.* Проспект Ильича: Роман / Публ. И. А. Махнановой; вступ. ст. Е. А. Папковой [Ивановой] // Сибирские огни. 2016. № 7. С. 99–124; № 8. С. 117–152; № 9. С. 95–132; № 10. С. 105–159; № 11. С. 95–154; № 12. С. 139–161.

L. P. Yakimova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE IDEOLOGICAL AND AESTHETIC FEATURES
OF THE VSEVOLOD IVANOV'S NOVEL "LENIN AVENUE" ("PROSPECT IL'ICHA")
AS A FACT OF "RETURNED LITERATURE"**

The article is devoted to the novel by Vsevolod Ivanov "Lenin Avenue", written by him in 1942. The plot of the novel unfolds against the background of the events of the great Patriotic war. The article is the first scientific work devoted to the late-published novel by Ivanov. The ideological and aesthetic connection with the previous novel by Vsevolod Ivanov "Volcano", which was conceived and written on the eve of the Second World War, is considered in detail. The fate of both novels was dramatic: both novels were first printed on archival materials only after the writer's death. The novel "Volcano" was published in 1966, and "Lenin Avenue" only in 2016. Both novels were published in the magazine "Siberian lights". The creative history and history of the failed publication of the novel "Lenin Avenue" are considered in the article on the basis of the diary of Vsevolod Ivanov published in 2001. The author shows the historicism of the writer's artistic thinking and the depth of his thoughts, which were not in tune with the dynamic time of the military storm. Despite the fact that both novels are associated with the poetics and aesthetics of socialist realism, the individual features of the style and the historical concept of the novel made publication impossible. Features of similarity and difference with Ivanov's sketches of wartime which were printed on pages of the Soviet Newspapers are shown. Ivanov's experience is considered in the broad context of fiction and propaganda literature of the time when the novel "Lenin Avenue" was conceived and created (I. Ehrenburg, K. Simonov, V. Lebedev-Kumach). It is convincingly shown that the novel was ahead of its time, and is associated with the literature about the war, which was created in the following decades (V. Nekrasov, B. Polevoj, "lieutenant's prose"). The work on the novel reflected the writer's idea of the need for an urgent creation of a great novel that would reproduce the features of the wartime, and would combine the task of propaganda propaganda with elements of historical analysis and forecast. The General mechanisms of the phenomenon of "returned literature", the peaks of which fell on the years of "otpepel'" and "perestroika" are shown on the particular example of the novel "Lenin Avenue". The novel "Lenin Avenue" is considered in connection with other books of the writer ("Kremlin" and "U"), not published in due time, and books of other Soviet writers who reached the reader many years after their creation.

Keywords: "returned literature", Vsevolod Ivanov, war literature, motivic thesaurus, subtext, symbolism, socialist realism.

References

Ivanov Vs. Vulkan: Povest'. Publ. by T. V. Ivanova. *Sibirskie ogni [Siberian Lights]*, 1966, no. 6, p. 8–90. (in Russ.)

Ivanov Vs. Dnevnik [Diaries]. Moscow, IMLI RAN; Nasledie, 2001, 492 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Vulkan: Povest'. Publ. and comment. by L. V. Sumatokhina. In: *Neizvestnyj Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of biography and creativity]*. Moscow, IMLI RAN, 2010, p. 296–344. (in Russ.)

Ivanov Vs. Prospekt Il'icha: Roman. Publ. by I. A. Makhnanova; introduce by E. A. Papkova (Ivanova). *Sibirskie ogni [Siberian Lights]*, 2016, no. 7, p. 99–124; no. 8, p. 117–152; no. 9, p. 95–132; no. 10, p. 105–159; no. 11, p. 95–154; no. 12, p. 139–161. (in Russ.)

Lyudmila P. Yakimova – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, motive@philology.nsc.ru)